

Т. В. Федосеева
Рязань

DOI:10.15393/j9.art.2011.311

Ф. И. БУСЛАЕВ О ХРИСТИАНСКОЙ СТАДИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ РАЗВИТИИ

Труды Федора Ивановича Буслаева (1818—1897), великого русского ученого и педагога, заслужили мировое признание и составили целую эпоху в изучении русского языка и национального искусства. В отечественной науке традиционным является отношение к ученому как основоположнику мифологической школы литературоведения. Хотя в последние десятилетия его изыскания привлекли к себе особое внимание российских филологов (были переизданы многие работы по истории народной словесности и искусства¹; истории литературы, древнерусской и второй половины XIX века²; воспоминания и литературно-критические статьи³), соответствующая оценка литературоведческому наследию ученого, его концепции исторического развития литературы до сих пор не дана. К решению этой

© Федосеева Т. В., 2011

¹ Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М., 2003; *Он же*. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / Сост. А. Л. Топорков. М.: РОССПЭН, 2006; *Он же*. Исцеление языка: Опыт национального самосознания. Работы разных лет / Сост. А. А. Чех. СПб.: Библиополис, 2005.

² Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи / Сост., автор вступ. ст., прим. Э. Л. Афанасьев. М.: Худож. лит., 1990; *Он же*. Древнерусская литература и православное искусство / Сост. А. А. Алексеев. СПб.: Лига Плюс, 2001.

³ Буслаев Ф. И. Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., прим. Т. Ф. Прокопова; Вступ. ст. Л. М. Анисова. М.: Русская книга, 2003.

задачи в рамках означенной темы обращено настоящее исследование.

Русская словесность изучалась Буслаевым в ее органической целостности, собственно вопрос о литературном развитии в поле его внимания попал лишь в начале 1860-х годов, когда уже были широко известны труды ученого по сравнительно-исторической лингвистике, истории и методике преподавания языка. Историко-литературная концепция отражена в работах, опубликованных лишь отрывочно, многие вопросы ждут изучения, современной исследовательской интерпретации и оценки. Опубликован лишь лекционный курс по истории русской литературы, прочитанный наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1859—1860 годах⁴. Курсы по истории русской литературы, читанные студентам Московского университета в 1860/61, 1868/69, 1875/76, 1878/79 академических годах, сохранились в рукописях и в виде литографических оттисков, поэтому доступ к ним ограничен⁵.

На современное значение изысканий Ф. И. Буслаева в области развития поэтических форм народной поэзии, древнерусской, новой и новейшей литературы одним из первых обратил внимание Э. Л. Афанасьев, который в 1990 году писал о живом, чуждом догматизма их характере, высоко оценил деятельность ученого как важную веху в самосознании нации.

О чем бы Буслаев ни писал и над чем бы он ни думал... главной темой его творчества была жизнь великорусского племени, духовная жизнь русского народа. <...> Очевидно, ответы, которые давал Буслаев, ждут наших уточнений, а порой и поправок, но самые вопросы выбраны из тех, которым дано еще долго, — а может быть, и всегда, — сопутствовать течению национальной жизни и развитию человеческой культуры⁶.

⁴ История русской литературы. Лекции, читанные... наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859—1860 г.) // Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 97—375; 1905. Кн. 10. С. 1—267; 1907. Кн. 12. С. 10—306. Отд. оттиск: Вып. 1. М., 1904; Вып. 3. М., 1906.

⁵ См. подробную библиографию: Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев (1818—1897). М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 72—91.

⁶ Афанасьев Э. Л. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи. С. 4—5.

О. В. Евдокимова, отталкиваясь от оценки научной методологии ученого как «синкретической» (по П. Н. Сакулину), пишет:

Филология становилась для Буслаева точной наукой, но в той же мере оставалась формой осознания жизни, способом постижения духовной сущности исторических эпох⁷.

В его взгляде на развитие отечественной словесности «филологическое знание совмещает в себе объективность науки, поэтическое “воодушевление” искусства и истинность религии»⁸.

Вопрос о динамике существования народной поэзии и литературы решался Буслаевым с учетом современных ему представлений о предмете. Однако идея исторического развития в «практическом» направлении, свойственном культурно-историческому направлению филологической науки второй половины XIX века, им не разделялась, о чем свидетельствует полемика с А. Н. Пыпиным. В статье «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине», опубликованной в первом номере «Современника» за 1861 год, высказано неприятие самого диалектического подхода к изучению словесности как формы выражения народного духа. Пыпиным был поставлен вопрос о том, что произведение искусства следует рассматривать со строго исторической точки зрения, с позиции отражения в нем общественного движения, с точки зрения социальной пользы:

В истории народности поэтические создания составляют действительную заслугу только в той степени, насколько они подвинули вперед сознание⁹.

Сторонники культурно-исторической теории видели в поэзии средство достижения обществом просветительского идеала государственности, построенного по законам развитого сознания. Такого рода подходы исключают уважи-

⁷ Евдокимова О. В. Опыт «академической» критики: Ф. И. Буслаев о новой русской литературе // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2000. Т. 59. № 5. С. 22.

⁸ Там же.

⁹ Пыпин А. Н. По поводу исследований г. Буслаева о русской старине // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М., 2006. С. 577.

тельное отношение к древним формам художественного мышления. Метод, примененный к изучению памятников русской старины Буслаевым, был подвергнут критике как «эстетический». С позиции «практической» науки осуществленный им подход безусловно вредит общественной пользе. Поскольку народное творчество отражает низшую (с точки зрения общественного прогресса) ступень в развитии национального сознания, оно не может быть художественно совершенным по форме. Обнаруживая художественные достоинства, Буслаев поддерживает, по мысли Пыпина, сохранившиеся в народной среде суеверия, способствует их укреплению.

Ф. И. Буслаев отстаивает свою позицию в науке; «практическое направление», поддерживаемое оппонентом, считает ошибочным; считает необходимым «строгое, положительное изучение»¹⁰ всего доступного поэтического материала. «Еще мало доверяя успехам в разработке русской народности, — пишет он в ответной статье, — я иду в своих “Очерках” плохо еще проторенной у нас дорогой теоретического знакомства с фактами и опасаясь преждевременным применением к современным потребностям обнаружить незрелость этой еще новой науки о национальности (Выделено мною. — Т. Ф.)»¹¹. Объективное представление о существе отраженного в поэтическом творчестве духовно-нравственного мира русского народа, считает Буслаев, исследователь может составить, только всецело погрузившись в фактический материал. Что и делает сам, объективно оценивая все многообразие форм народного творчества в их взаимодействии с развитием литературы, религиозной и светской, рукописной и печатной. Подобный подход способствует уяснению именно внутренних, эстетических законов в развитии поэтического искусства как способа освоения высшего, духовного, содержания жизни.

С необходимостью периодизации национальной словесности Ф. И. Буслаев столкнулся в связи с преподавательской деятельностью. В лекциях по истории русской лите-

¹⁰ Буслаев Ф. И. Исцеление яз'ыка: Опыт национального самосознания. Работы разных лет. С. 125.

¹¹ Он же. Ответ г. Пыпину на его статью // Буслаев Ф. И. Исцеление яз'ыка. Опыт национального сознания. Работы разных лет. С. 612.

ратуры, читанных цесаревичу Николаю Александровичу, было выделено шесть периодов, являющихся ориентирами в усвоении учебного материала. Само применение периодизации к живому организму национальной словесности и поэтического творчества он считал условным и объяснял его необходимость только лишь дидактическими целями, считал уступкой несовершенному знанию ученика, «естественному желанию всякого ориентироваться... на новом пути, на который он выходит»¹². Деление литературы на периоды Буслаев оправдывал также необходимостью воздействовать на нравственную сферу воспитанника: внимание к проблемам внешней жизни народа, требующим разрешения, воспитывает активную личность. В изучении народной словесности видел он путь вхождения «в интересы нравственной жизни народа» (О л., 421).

Зарождение поэзии Буслаев считал естественным для человеческой природы. Он оспорил мнение Якоба Гримма, утверждавшего, что доисторический человек не мог осмыслить свою способность говорить как особый, присущий только ему дар. В качестве доказательства противного Буслаев приводил данные о том, что у древних славян слово «язык» употреблялось в значении «народ». Аналогичные формы обнаруживаются также в готском и итальянском наречиях¹³. Существование народа, таким образом, мыслилось в прямой зависимости от языка, а словесное творчество было такой же органичной формой его существования, как и само владение речью, и возникло оно с началом знания, права, языческих обрядов, чародейства и заклинания. Развитию поэзии на ранних стадиях были чужды личные устремления, поскольку изначально различные виды искусства служили выражению общих для всего сообщества религиозных идей и отражали своеобразие верований в той или иной местности:

¹² Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. С. 422. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием названия (О л.) и страницы.

¹³ См.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М., 2006. С. 21—22.

Художественная деятельность, сосредоточиваясь в известных местностях, посвящала свое служение местнотимым святыням, святому патрону города или чудодейственной иконе¹⁴.

Только начальная стадия «до-исторического» существования поэзии в периодизации Буслаева соответствует обусловленному языческими верованиями мировосприятию народа. Тогда уже народная поэзия несла в себе, по словам ученого, выражение всех существенных основ «национальности, состоящей в верованиях, в языке, в юридических обычаях и в поэзии, которая вместе с мифологией заменяет для него всякую мудрость и знание» (О л., 426). Дальнейшее развитие национального устно-поэтического творчества непосредственно связано с принятием на Руси христианства.

Христианское просвещение, считал Буслаев, определило собой весь характер русской народности и национальной поэзии. В нем народ осознал себя, свою способность к развитию, усвоению гуманных общечеловеческих начал, отразившемуся прежде всего в языке, а потом уже в поэтическом творчестве. Весь путь отечественного искусства и словесности Нового времени ученый связывает с этим историческим фактом, который считает закономерным для русского народа, находя в его языческих верованиях предпосылки для усвоения христианской нравственности и морали.

Развитие русской литературы рассматривается в связи с большей или меньшей мерой усвоения и степенью выражения христианского, православного сознания. Сложность проблемы восприятия русским народом основ христианского отношения к миру Буслаев не склонен упрощать. Им замечено, что русским свойственна бессознательная преданность старине, что простой русский народ «доселе живет в этом сомкнутом круге эпической старины, определяемой обрядностью и неизменностью однажды принятых обычаев и форм» (О л., 429). Сохранившиеся же от язычества в быту и поэзии устойчивые формулы поведения и различного мышления вовсе не трактуются как противоречащие усвоению народом основ православной религиозности.

¹⁴ Там же. С. 301.

Духовная память — прежде всего в языке народа, а славянский язык, по убеждению Буслаева, «задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию Христианских идей»¹⁵.

Традиционность устойчивых форм выражения народом духовных представлений не противоречит развитию их внутреннего содержания. Они, как и сам язык, вмещают в себя весь опыт исторической и духовной жизни народа. Две стадии — мифологическая и христианская — выделяются Буслаевым в развитии языка (диссертация «О влиянии христианства на славянский язык»), по отношению к народной поэзии и литературе применяется тот же принцип периодизации.

Начиная со второго условно выделенного периода, определяемого «начатками христианского просвещения», и «до наших времен» литературное развитие мыслится Буслаевым единым и целостным, хотя и неравномерным. Внутри этой стадии выделено несколько этапов, однако они хронологически и содержательно не совпадают вполне с этапами общественной жизни. Поэзия, как и другие виды искусства, в своем развитии не иллюстрирует события внешней жизни, но как духовно содержательная форма следует своим внутренним законам.

Становление и укрепление русской государственности со времен преодоления удельной раздробленности земель по сути сводились к нивелировке местных различий во внешних проявлениях народной жизни, а также нравственных и религиозных отличий. Особенно активно этот процесс шел в период усиления влияния Московского княжества, а в XVII веке, пишет Буслаев, все областные различия были признаны враждебными «московской благонамеренности». Государственная политика пришла в противоречие с естественным ходом в развитии искусства:

Поэт и художник перестали быть органами гласа народного, который был некогда действительно гласом Божиим, потому что в своих высших звуках постоянно восходил он до восторженной молитвы — источника, откуда и поэт, и художник черпали свое вдохновение (О л., 303).

¹⁵ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию // Буслаев Ф. И. Исцеление языка: Опыт национального самосознания. Работы разных лет. С. 122.

Искусство встало на службу небольшому количеству людей, в руках которых была сосредоточена государственная власть.

Именно с тех пор между народом и произведениями литературы и искусства произошел решительный разрыв, как скоро религия перестала служить главнейшим источником вдохновения (О л., 304).

С начала XVII века Буслаевым отмечается активное сближение русской литературы с западными. Реформаторская деятельность Петра Великого была подготовлена, по мнению ученого, христианским просвещением, определившим государственную политику в России на исходе русского Средневековья:

...Преобразование жизни государственной, общественной, промышленной, преобразования всей внешней обстановки русского быта, совершенные Петром, с одной стороны, были приготовлены предшествовавшим развитием русской образованности, а с другой стороны, не вдруг отразились в общем сознании народном, которого выражением служит литература (О л., 424).

Таким образом, подчеркивается не прямая причинно-следственная зависимость литературы от событий общественной жизни, но их сложное диалектическое взаимодействие.

Курс лекций, читанных наследнику, не был доведен до подробной оценки современного Буслаеву состояния национальной словесности. Последовательное изложение истории русской литературы прерывается XVIII веком, в конце которого, по мысли ученого, благодаря усилиям Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, позднее — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, русская литература с успехом преодолела период заимствования и вернулась к национальным корням, опираясь на прочную базу «многостороннего знакомства с разнообразными национальностями» (О л., 445). На новом уровне, с использованием сравнительного метода, историко-литературная концепция Буслаева была представлена во второй половине 1870-х годов. В его лекциях студентам Московского университета вся русская словесность и наука о ней рассматриваются в сравнении с европейскими.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты лекций, прочитанных в 1875/76 академическом году, содержат объективный исторический материал, указывающий на общие для европейских народов условия движения внутри литературы. Само же это движение рассматривается с точки зрения выражения в нем христианского сознания и обратно — нравственного состояния общества в формах жизни и художественного творчества.

Особое внимание уделяется вопросу о сложном взаимодействии художественных элементов язычества и христианства в искусстве. При этом трактовка сосуществования этих, на первый взгляд, взаимоисключающих элементов не вполне совпадает с широко известной концепцией двоеверия русского народа. Само функционирование в искусстве Средневековья и Нового времени художественных элементов, сложившихся в древнем, языческом периоде существования искусства, изменяется, что обусловлено не только мировоззренческими, но и эстетическими задачами. Художественное творчество, как понимает его Буслаев, не является прямой иллюстрацией общественной жизни, процессы, происходящие в нем, обладают самостоятельной значимостью и направлены на решение внутренних задач.

В искусстве Средневековья царит постоянная смесь языческих с христианскими элементами. <...> В Средние века никогда не умирали античные предания, хотя язычество было известно, коротко знакомо, но однако к нему относились не как к особенному элементу, заслуживающему уважения, но видели в нем лишь форму, в которую влагали христианские идеи¹⁶.

Тогда искусство было непосредственным выражением религиозности народа, а поэт — голосом нации, черпавшим воодушевление в религиозном чувстве. Такое искусство, считал Буслаев, истинно, в том смысле что не знает границы между действительным и возможным — в гармонии идеального и действительного.

¹⁶ Буслаев Ф. И. История русской литературы. Курс лекций, прочитанный студентам Московского университета 1879/80 уч. году. Литография. С. 5. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием названия (К. л.) и страницы.

Иное отношение к языческой эстетике складывается в эпоху Возрождения:

С конца XV и начала XVI века в Европе водворяется в умах сознательное отношение к язычеству. Мифология изучается и привлекает к себе симпатию как особенный самостоятельный предмет, язычество предьявляет над умами свое господство: уступает христианское религиозное чувство и на месте его водворяется уважение к язычеству (К. л., 5).

Художники и литераторы вдохновляются языческими сюжетами, воодушевляются олимпийскими божествами. Последовавший за эпохой Возрождения «ложноклассический» период определяется ученым через отклонение от естественного хода вещей — в это время литература, как и другие искусства, утрачивает изначально ей присущую органическую связь с народной жизнью. Академиями наук и художеств вырабатываются правила, которые определяют норму эстетически совершенного творения и становятся руководством к действию. В поэзии наступает период «схоластической риторики».

Без руководства религией фантазия художника получает ложное направление: поэтические формы вырастают в «уродливые символы и эмблемы» — «вымышленные изображения, которые не отражали ни идеального, ни материального в действительности»¹⁷. Этот путь в развитии искусства Буслаев называет «бесплодным». Именно в эстетике «псевдоклассицизма» происходит противопоставление изящного вкуса образованной части общества простонародному:

Конечно, в то время, когда высшее избранное общество услаждалось литературой изящного вкуса, народ, средний класс продолжал существовать, чувствовать, мыслить и в часы досуга развлекать свою фантазию теми художественными наслаждениями, которые были доступны низменным слоям общества; таким образом, рядом с этой изящной литературой шла литература неизящная, неприличная и грубая (К. л., 9).

¹⁷ Буслаев Ф. И. Задачи эстетической критики // Буслаев Ф. И. Мои досуги: Собранные из периодических изданий мелкие сочинения: В 2 ч. Ч. 1. М., 1886. С. 350. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием названия (Задачи) и страницы.

Национальная литература утратила свою целостность, разделившись на официальную, которая служит государству и зависит от сложившихся в нем условий, и свободную от этого внешнего давления — истинно народную. Это разделение существовало и позднее.

От начала XVIII века официальная русская литература, считает Буслаев, развивалась подобно западноевропейским эпохи Возрождения (XV — начало XVI века). Это время характеризуется упрочением положения личности в государстве по всем путям нравственной и умственной деятельности. Разрыв между простым народом и высшими слоями общества, получившими возможность образоваться соответственно европейскому уровню, еще более усугубляется. Творчество писателей и художников существует отдельно от народного, сохранившего традиционные формы своей духовной жизни и поэтического воображения.

«Риторическому» периоду пришел на смену период «романтический и философский, когда была осознана национальность» (К. л., 2). Эта смена была обусловлена не только протестом, направленным на обстоятельства возобладавшего в европейских государствах буржуазного меркантилизма и общего довольства:

Блистательная роскошь царственных дворцов заменилась удобствами богатого мещанства; водворяется однообразие и пошлость жизни (К. л., 16).

Важнейшим, побуждающим к решительному преобразованию форм искусства и литературы, было внутреннее движение, все более осознававшаяся образованной частью общества необходимость возрождения религиозного чувства, которое, по словам Буслаева, «постепенно падает в течение XVIII столетия и, наконец, совершенно затаптывается в грязь и смешивается с прахом и кровью революции» (К. л., 16). Бездуховность общественного существования рождает протест: движение романтиков возвращает в жизнь все чудесное, таинственное, все, что поддерживало их мечтательность и религиозность. Поэзия, искусство, религия и философия — все это вместе отвлекает умы от действительности, манит в область неземную, в область, стоящую выше действительности или вне ее, заставляет отыскивать свои начала в Средневековье, сосредоточенном на жизни

Духа. Вместе с интересом к Средневековью рождается понимание национальной самобытности народов.

В России романтическое направление уже в 30-х годах вобрало в себя славянофильскую идею:

Славянофил, подобно романтику, из удушливой пошлой современности удаляется в прошлое, в древнюю Русь, изучает русскую старину, и там отыскивает себе идеал. Но так как славянофил мечтатель, то идеалы эти он берет не из действительности, а они им создаются. С этим поэтическим творчеством он соединяет глубину и широту философского взгляда. Он последователь школы Шеллинга или Гегеля (К. л., 28).

Идеалом славянофилов был русский человек далекого прошлого, и на основании этого идеала они хотели перестроить всю современную жизнь, и, прежде всего, обращались сами к себе и сами себя воспитывали во имя того идеала, который себе рисовали. Славянофилы старались во всем приблизиться к идеалу, поэтому были людьми в высшей степени нравственными, а в общественном отношении и в высокой степени честными. Чистота нравов — тот кодекс, на основании которого они позволяли себе действовать.

Ф. И. Буслаев считал, что романтизм своею мечтательностью непременно опирался на глубокое религиозное чувство, и славянофилы поэтому были людьми религиозными, «в духе исключительно православном». Тип славянофила, сформированный на преданиях об идеальном русском человеке, тогда как воспитан этот человек на элементах западной цивилизации, с чистыми православными убеждениями, по мысли Буслаева, выводит А. С. Пушкин в чистом образе поэта. В теснейшей связи с славянофильской партией стояли В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь (К. л., 29).

Таким образом, в романтической литературе христианская стадия развития получила свое яркое и оригинальное продолжение, что в России было обусловлено обращением к народности, стремлением постичь его духовную сущность, берущую начало в древнем периоде принятия христианства.

Вторая половина XIX века, пишет Буслаев, отмечена формированием научного подхода к изучению народной поэзии. Существовавшая в устной форме или рукописная,

она менее всего доступна ученому, и сравнительный метод способствует выработке объективного к ней отношения.

Буслаев высоко ценил опыт своих современников, применявших к памятникам русской старины методологию объективного изучения, не ограниченную «практическим» характером исторического взгляда. В статье «Русские духовные стихи» (1861) отмечены «Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым» (СПб, 1860) и «Калики переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова» (М., 1861). Их издание ученый считает добрым знаком, говорящим о начале преодоления «враждебного разрыва между свежими силами народа и искусственной, антинациональной цивилизацией так называемого образованного общества»¹⁸. Значительное внимание в статье уделено вопросам взаимодействия христианской религиозности и языческих верований, отраженных в устном народном творчестве, и в связи с этим — общей диалектической картине развития словесности в России.

Путь к преодолению противоестественного разрыва между авторской печатной литературой и народным творчеством он видел в выработке объективной научной позиции, вне крайних взглядов западников и славянофилов. Он не принимал ни западническую идею о двоеверии русского народа, ни славянофильскую — о его безукоризненном православном сознании, основанном на глубокой религиозности. В народном творчестве находил живое свидетельство о светлых и темных сторонах его духовно-нравственной жизни.

Сложного вопроса о судьбах христианства в творчестве русских писателей середины XIX века Ф. И. Буслаев касается в работах, опубликованных в двухтомном сборнике «Мои досуги», в частности в статье «Задачи эстетической критики» (1868). Здесь его литературная концепция изложена в непосредственной связи с анализом различных форм усвоения христианской духовности на протяжении целого ряда исторических эпох.

Сама природа художественного творчества, по мысли Буслаева, духовна изначально: все новое искусство разви-

лось из христианского воодушевления и в дальнейшем воплотило в себе «гениальные проявления духа человека вообще» (Задачи, 296). Подтверждение этому он находит и в современном состоянии отечественной словесности. Даже «беспощадный реализм» эпохи не способен избежать отражения духовных начал жизни. Идеализм и реализм в литературе трактуются Буслаевым как различные творческие методы, «способы художественного воспроизведения», тот и другой связаны с выявлением идеального содержания в реальной действительности «Идеалисты, — пишет он, — возводят действительность в мир идей (подобно Средневековью, в своем воображении воссоздают символические фигуры)... реалисты сводят многообразие жизни к типам — отвлеченным понятиям», при этом «тип не должен противопоставляться идеалу — это известная художественная форма для идеального или реального представления» (Задачи, 321—325). В том и другом случае истинный художник следует своей духовной природе, не допуская насилия над ней существующей в общественном сознании тенденции.

Для литературы XIX века, считает Буслаев, характерно не только сосуществование различных творческих методов, но обретение каждым автором собственного лица, неповторимого в плане своей оригинальности, каждый писатель вырабатывает собственные подходы художественного освоения действительности. Начало формирования «личного направления» в искусстве возводится к середине XVIII и XIX веков, когда над убеждениями общей религиозности возобладало индивидуальное чувство. В новых условиях развития эстетической культуры исчерпанность действительности в формах физического и духовного бытия достигается только при отсутствии во взгляде художника односторонности, навязанной извне. Все многообразие жизненных явлений может быть представлено в искусстве при условии свободного сосуществования индивидуальных взглядов и позиций, при условии, что каждый художник стремится быть честным по отношению к жизни и к себе самому, собственному ее восприятию. Искренность и оригинальность художника, следующего «личному направлению» в искусстве, является залогом того, что искусство отразит жизнь во всем ее содержательном многообразии, приот-

¹⁸ Там же. С. 294.

крывая в индивидуальном взгляде каждого какую-то одну сторону.

Обращаясь непосредственно к состоянию современной отечественной литературы, Буслаев отмечает преобладание критического отношения к действительности. Этот критический взгляд являет собой односторонность и мешает объективному познанию и воспроизведению жизни. Формулируя критерии художественности, ученый подчеркивает следующие:

...правдивость передачи художником того, что дает ему природа и жизнь; воссоздание быта и историческая достоверность изображения.

От художника в новых условиях, когда общество утратило общее религиозное направление мысли, требуется «живописать самое существенное, наиболее характеристическое», «быть философом, политиком, человеком просвещенным, моралистом», «в выборе сюжетов и тем руководствоваться глубиной нравственного чувства, а не указкой идеи» (Задачи, 357—407). «Если искусство разучилось внушать чистые молитвы, — пишет Буслаев, — пусть вдохновляется пока чем может... Довольно того, что оно будет воспевать любовь, будет по-христиански нравственно!» (Задачи, 385).

Литературное творчество во все времена требует от художника соответствовать времени, поскольку законам развития подвержена не только внешняя, материальная, но и внутренняя сторона народной жизни. Однако в понимании смысла этого развития он не должен ориентироваться на идеи, обозначенные общественным сознанием. Настоящий художник свободен, его отличают не только сила воображения, талант и воля, но и способность сохранить «в водовороте распатавшихся убеждений» полную независимость взгляда. В современных условиях, когда религиозное вдохновение перестало быть источником поэзии, истинный художник творит, стремясь быть искренним и правдивым. Он берет сюжеты из современной жизни, изображает современные нравы и характеры, увлечения и страсти современного человека.

В наибольшей степени соответствует этому содержанию литературы роман. Назначение романа как самого совре-

менного жанра ученый видел в том, чтобы «примирить» мораль и частный случай, чтобы показать человека изнутри, во всем несовершенстве его природы. В то же время романист не должен впадать в соблазн нравоучительности. Создаваемые им образы и картины — плод «обаятельного вымысла», они увлекают читателя, обращают его к пережитым им самим минутам и пережитым когда-то положениям. Именно личная заинтересованность в судьбах вымышленных персонажей, если они представлены живо и достоверно, если в мире художественного произведения талантом писателя создана, хотя и иная, но реальность, способствует тому, что литература оказывает облагораживающее воздействие на общество.

Самой действенной силой современного искусства Буслаев считал психологический анализ поступков и страстей. Писатель заставляет читателя припоминать мельчайшие движения его собственной души, пережитые и пережитые положения, возобновить в своей душе психологический процесс, дать себе отчет в том, что доселе делалось безотчетно. В этом случае человек неизбежно соотносит себя, свое душевное состояние и поведение с тем образцом, который безусловно для себя принял. «Путем самого тонкого психологического анализа действий и страстей, прав и обязанностей, — пишет Буслаев, — современный роман движет, руководит и воспитывает общественную совесть... почерпает свое обаятельное могущество в идеальном стремлении... водворить на земле разумный для человечества союз правосудия с Евангельским милосердием» (Задачи, 472).

В лекциях по истории литературы Ф. И. Буслаев обращается к традиционной периодизации литературного процесса, соотнося выделяемые периоды с важнейшими этапами исторического развития нации, признавая, таким образом, логику внешней динамики. Однако стремление представителей культурно-исторической школы литературоведения свести значение национальной словесности к иллюстрированию исторического процесса им не принимается и подвергается критике. В диссертации и статьях разных лет речь идет не об отдельных периодах, а о длительной стадии, определяемой динамикой духовной жизни народа и связанной с принятием христианства.

Основные правила нравственности в своем существе остаются у народов христианских одни и те же, но приложение их к жизни изменяется под влиянием исторических условий... (О л., 468).

Внутреннее, духовное и нравственное, состояние народа, его развитие находят непосредственное воплощение в формах общественной жизни. Преобладание тех или иных форм национальной словесности в ту или иную историческую эпоху отражает, прежде всего, уровень самосознания нации.